

— Убийца — волшебник, — прошептал Ницше, сжимая руку Гермiony, давая ей знак понизить голос. — Из слов Рона Уизли ясно, что Малфой и его группировка изначально были темными волшебниками. — Это не имеет смысла... В смысле, это мог быть любой темный волшебник! Однако Ницше знал гораздо больше деталей, чем Гермiona. Он начал постепенно упорядочивать мысли в голове: — Не религиозное убийство, но кто-то разрушает связи между волшебниками и британским правительством. Ницше достал из кармана волшебную карточку из набора с шоколадной лягушкой. На ней был изображен старик с белой бородой, и единственной причиной, по которой Гарри вручил ее ему, была наличие у другой стороны такой же карточки. Серебряноволосый старик с крючковатым носом, протирающий свои полукруглые очки, был Альбус Дамблдор. Ницше перевернул карточку и протянул ее Гермione. — Нынешний директор Хогвартса, величайший волшебник... победил Гриндевальда в 1945... — Гермiona наконец разглядела почерк в лунном свете. — Он действительно самый про-магловский волшебник. — Ты-Знаешь-Кто умер в 1981, и с тех пор фракция Малфоя отошла в тень. — Ты хочешь сказать, убийца может быть связан с Малфоем?! Логическое мышление Гермiony было не из худших, поэтому она быстро отреагировала. — Не совсем верно. — Ницше заколебался, запнулся и продолжил. — Я думаю, это связано со всей фракцией, которая поддерживала Ты-Знаешь-Кто тогда... Ты-Знаешь-Кто пал, и волшебники, верившие в превосходство крови, скрылись за кулисами. В то же время к власти пришли про-магловские волшебники. Но даже с такими выводами осталось множество сомнений. Проблема в том, что из разговора Рона и Невилла можно понять, что волшебники понятия не имеют о развитии внешнего мира. Как они могли узнать, где живут высшие руководители Церкви Англии? Не говоря уже о волшебниках, даже обычные люди не могут этого знать. — Но таинственный мужчина мертв. У них нет причин рисковать, чтобы быть обнаруженными и убивать нескольких обычных людей. — Да... — Ницше почувствовал головную боль. Но в любом случае он отправит всю известную информацию Майкрофту и Шерлоку сегодня ночью. — Так вот почему ты так боишься? — Нет... да, примерно так. Гермiona закусил губу и посмотрела на Ницше, стоящего на цыпочках за остановившейся толпой. Она знала, что он не совсем боялся из-за этого случая. Его взгляд в машине нельзя было описать как "испуганный". По сравнению с обычным Ницше, он казался опустошенным, лишенным всех позитивных эмоций, и оставалась только отчаяние. Дрожащий и свернувшийся в углу... — Не более четырех человек на каждой лодке! — громкий голос Хагрида заглушил всех. — Мы уже под Хогвартсом. Гермiona подняла голову, и небо в это время было полностью темным. На берегу широкого озера, на краю крутого обрыва стоял замок, и из его аккуратно расположенных окон лился оранжевый свет. Это была хорошая новость для нее: Хогвартс был ближе к сказке, чем она думала на поезде. Гермiona и Ницше, оказавшись последними, повезло протиснуться в деревянную лодку вдвоем. Проехав какое-то расстояние, Гермiona почувствовала, как плещ, свисающий сверху, ласкает ее голову. Наконец, они прибыли к причалу под замком. — Не думай об этом сейчас, радуйся. — Гермiona посмотрела на профессора Макгонагалл, облаченную в изумрудно-зеленый волшебный халат перед дубовой дверью, и немного нервничала. — Лучше подумать о рассортировке позже. Ну, как тот, кто действовал на поезде и был самым серьезным, она внезапно пожалела об этом. Учителя, похоже, обладали природной подавляющей силой для Гермiony. Но когда профессор Макгонагалл серьезно оглядела всех, она не задерживалась на ней слишком долго, и Гермiona вздохнула с облегчением. — Ты собираешься порвать мою униформу, король поездов. — Даже если ты не заговоришь, я не буду считать тебя глупой, Ницше! — Хи-хи... Я думаю, Невилл прав, ты действительноходишь для Когтеврана. — Ницше разглядел край своего халата, который она помяла. — Говорят, в этом колледже полно бунтарей. Но кто такая Гермiona? Она и Ницше спорили целых два года. — Ты говоришь о себе? — Гермiona рассмеялась, ступая по роскошной мраморной лестнице. — О, нет, может быть, ты большеходишь для такого места, как Слизерин. — Нет никаких причин для этого. — Тс-тс-тс... Ницше, почему ты нарочно не дал отпор на поезде? Признайся, ты парень, который сделает все, чтобы достичь своих целей! — Но я не причинил вреда Невиллу, и

тебе тоже. — Я думаю, это моя заслуга, так что мне не нужно говорить "спасибо". В последующей церемонии профессор Макгонагалл снова подчеркнула четыре факультета Хогвартса. Убедившись, что все привели себя в порядок, она вывела их из пустой комнаты рядом с залом. Пройдя через зал, за дверью находится аудитория. Всю площадь занимают четыре длинных стола, половина из которых заставлена старшими учениками, а другая половина предназначена для первокурсников. Свечи на столе парят в воздухе, а посуда на столе — это блестящие золотые тарелки и хрустальные бокалы. Гермиона подумала, что случайно зашла на какой-то старый аристократический банкет. Над четырьмя обеденными столами парят также несколько белых призраков, а сводчатый потолок наверху точно такой же, как звездное небо за пределами дома. Создается впечатление, что все ученики обедают под звездами. — Это директор Дамблдор. Ницше увидел старика с серебряными волосами, стоящего посреди скамейки учителей спереди. — Тишина! — профессор Макгонагалл передвинула деревянный стул перед первокурсниками и поставила пыльную шляпу. — Кто бы я ни назвал, тот надевает ее на голову!! Затем грязная шляпа треснула, и он прочитал текст в странном акценте. — Может быть, ты принадлежишь к Гриффиндору, где хранится храбрость твоего сердца... Может быть, ты принадлежишь к Когтеврану, где мудрые и знающие люди всегда могут встретиться со своими коллегами... Правильно, это совсем не похоже на пение, это похоже на песнопения. Ницше хотел, чтобы он мог научиться слушать с закрытыми ушами через два месяца, чтобы ему не пришлось страдать. — Ханна? Эббот!! Первой подошла серебряноволосая девушка, которая выдала Невиллу Лонгботтому местонахождение жабы. Ее голова только коснулась шляпы, как та выкрикнула местонахождение жабы. — Пуффендуй! — Терри Бут. — "Когтевран". — Гермиона Грейнджер! Стоящая рядом с Ницше кудрявая девушка нервно подошла. Сделав три шага, она обернулась, чтобы посмотреть на Ницше. Для нее это похоже на разделение классов. Если хороший друг больше не будет в том же классе, что и она, ослабнут ли их отношения в будущем? Когда человек нервничает, возникает множество мыслей. — Хм... Действительно сложно. — Голос Сортировочной Шляпы прозвучал в голове Гермионы. Его голос совсем не звучал как у старика, крещенного годами. — У нее высокие идеалы, она храбрая, и она также очень умна.... — Собираюсь ли я обидеть всех трех основателей сразу? Забудь, они все равно ушли. — Ты можешь читать мысли? — Гермиона сжала края деревянного стула. — Конечно, нет. Я просто... скажем так, это интуиция. Человеческий разум слишком сложен. Как я могу его понять? Я всего лишь новичок в живописи, и я едва различаю классификацию каждого цвета. Сортировочная Шляпа не замечала изменений во времени и даже с любопытством спрашивала о настроении Гермионы. — Так куда ты хочешь пойти? — Ницше и я в одной школе! — Который... ах, он за тобой, дорогая. — Сортировочная Шляпа пробормотала. — Хотя Слизерин очень подходит для такой амбициозной маленькой волшебницы, как ты, я не рекомендую тебе туда идти. Сегодняшний Слизерин слишком сосредоточен на... кровной линии. Гермиона заметила выбор слов другого. — Сейчас? — Эхм... Жажда приключений в тебе так богата. Я подумал... Гриффиндор! — после объявления он прошептал. — Не волнуйся, пока ты не реализуешь свою мечту, это всего лишь... битва. Великое приключение. Когда Гермиона сняла Сортировочную Шляпу, она поняла, что люди внизу смотрят на нее и шепчутся. В это время профессор Макгонагалл подвела ее и тихо сказала: — Ты была там в течение пяти-шести минут, мисс Грейнджер. — Так долго? Но я чувствую... Гермиона увидела, что почти все остальные справились за полминуты. — Я понимаю, ты первая спускайся. — Первоначально серьезное лицо Маг немного расслабилось. — Я была такой же, как ты в то время, что в принципе хорошо. Но когда профессор подняла голову, уголки ее ранее приподнятых губ снова сжались. — Далее, Ницше Джон Холмс! Ницше с некоторой брезгливостью взглянул на шляпу перед собой. Он оперся тростью о стул, подавил желание убрать ее, и осторожно поместил ее на волосы. Движения были нежными и мягкими, в корне отличаясь от тех волшебников, которые внезапно хлопали его по голове. Поставив шляпу на голову, в его умах прозвучал шепот. — Почему опять такой сложный персонаж? Не может ли быть такого же простого

парня, как раньше? Вот те раз, еще не успел он начать ненавидеть Сортировочную Шляпу, как она первой начала ненавидеть его. — Поторопись, любой факультет подойдет, только не Гриффиндор. — Что ты делаешь? 'Поторопись! Любой подойдет'... Ты думаешь, это овощи рубишь? — Сортировочная Шляпа подражала его тону и пробормотала. — В самом деле, у меня совсем нет терпения. Но Сортировочная Шляпа также несколько противоречива. Хотя общение с таким сложным волшебником и затруднительно, но в нем есть своя радость. — Я чувствую твою помощь... как солнце, ха-ха, это напоминает мне леди Хельгу, Пуффендуй? В этом отношении она тебе прекрасно подходит. — Хотя я немного многословен, но твое отношение к идеалам сильнее, чем у девушки, что была только что. Хотя тебе не нравится стремиться к почестям, поверь мне, Слизерин также очень подходит для таких, как ты. — Проблемы... Проблемы... Почему бы тебе не поболтать со мной немного, скажи, что хочешь. В один момент он еще был в филиале больницы, а в следующий уже стал заниматься семейными делами. Ницше ответил в своих мыслях: — О чем ты хочешь поговорить? — Если ты готов говорить о идеалах, в конечном счете, у тебя есть честность, храбрость, идеалы и мудрость. Но иногда я также сортирую факультеты в соответствии с идеями волшебника. Разница между идеалом и фантазией заключается в том, что это цель, к которой человек стремится всю свою жизнь. А какой идеал у Ницше? Возможно, это следует начать с того дня, когда он впервые обнаружил магию и назвал ее "Сила". Ницше, усыновленный Уотсонами, вырос в семье Холмсов. Увидев некоторые классические случаи, он всегда чувствовал, что он будет нужен в будущем после обнаружения собственных отличий. Это была интуиция, стремление к утопии. Поэтому Ницше ответил на один вопрос другим. — Ты думаешь, скучно видеть, как солнце восходит на востоке и заходит на западе каждый день? Том 1: Глава 14 Слизерин без восторгов — Солнце? Сортировочная Шляпа действительно задумалась над этим вопросом. — Если бы оно могло говорить, вероятно, было бы скучно, ведь оно восходит на востоке и заходит на западе каждый день. Но Ницше очень решительно сказал, что Сортировочная Шляпа ошибается. Такой решительный ум заставил ее увидеть в Ницше высокомерие, отличающееся от всех остальных. Сортировочная Шляпа действительно не могла придумать других слов, чтобы описать это... — Но его восход и заход на востоке заключаются в том, чтобы приносить солнечный свет людям на другой стороне земли. Только когда оно светит на всех, его признают величайшей звездой, а волшебники... это люди, полные света. — Я... наверное, понимаю. Этот ответ звучит очень скучно. Но если хорошо подумать, то некий трансцендентный восторг внезапно овладел Сортировочной Шляпой, и она начала качаться на голове Ницше. Пыль падала из-за её качания, показывая её первоначально уютную ткань. Какой волшебник не считает, что он независим от людей? Даже самые храбрые волшебники думают, что им повезло. Только Ницше другой. Он действительно думает, что волшебники называются "волшебниками" потому, что они могут принести лучшие перемены в мир. — Извини, эти старые негласные правила Слизерина давно должны были умереть. Поэтому, ради твоей мечты, я знаю, что делать.